

Комарова Лариса Эдуардовна

ТЮМЕНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КАК ДИАЛЕКТНЫЙ ИСТОЧНИК

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/4/36.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по данному вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (59). С. 124-126. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 81.373.23(091)(571.12)

Филологические науки

Лариса Эдуардовна Комарова

Сургутский государственный университет

ТЮМЕНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КАК ДИАЛЕКТНЫЙ ИСТОЧНИК[©]

Памятники народно-разговорной речи, к числу которых относятся и деловые документы начального периода становления русского национального языка, территориально соотнесенные с определенными диалектами, традиционно считаются важными источниками сведений по исторической диалектологии. В этом отношении трудно переоценить значение деловых текстов XVII - н. XVIII века из фондов Государственного архива Тюменской области (ГАТО), особенно тех из них, в основе которых лежат записи устной речи местных жителей.

ГАТО относится к числу богатейших архивов Сибири. В нем отложились самые ранние из сохранившихся в сибирских архивах документы, созданные в первых русских острогах и зимовьях и включенные в состав фонда Тюменской приказной избы, а позднее - Тюменской воеводской канцелярии. Ныне это фонд И-47, содержащий 5 541 ед. хр. за 1604-1782 гг., в том числе 645 ед. хр., относящихся к XVII в. Рукописи XVII в. хранятся также в фондах Тюменской таможни и Тюменской крепостной конторы. Отдельные тексты обнаружены автором в составе так называемой «россыпи» [4]. Это и документы директивного характера, которые присылались из Москвы, в основном, через Тобольск, бывший в то время столицей губернии (государевы грамоты и указы), и созданные в местной канцелярии, написанные местными писцами и нередко подписанные местными грамотными жителями (челобитные дела, доношения и под.). Значение этих рукописей для изучения процессов становления российской государственности и культуры в Западной Сибири, сложения сибирских говоров и оформления общерусского делового языка возрастает в связи с тем, что синхронные фонды Тобольской приказной палаты и губернской канцелярии погибли во многочисленных пожарах XVII-XVIII вв.

Анализ тюменских челобитных, сказок свидетелей, изветов, расспросных речей (всего 420 документов XVII - первой четверти XVIII в., занимающих 550 страниц рукописного текста) показал, что они сохранили черты живой речи сибирских первопоселенцев.

По мнению подавляющего большинства исследователей, первопроходцами в деле заселения и освоения Сибири стали выходцы с русского Севера. Именно они составили основу русского старожильского населения Сибири. Существовала как правительственная колонизация («по указу» или «по прибору», т.е. по вербовке) так и «вольнонародная». Переселялись главным образом «черносошные» (принадлежащие государству) крестьяне. Уже в XVII в. заселение территории шло достаточно быстрыми темпами. Верхотурские, тюменские и тобольские воеводы рассылали по Московской Руси «садчиков» - агентов, вербовавших зажиточных и трудоспособных крестьян [1]. Основные миграционные потоки переселенцев в Сибирь шли в основном из Холмогорского, Устюжского, Тотемского, Важского, Каргопольского, Сольвычегодского уездов, а также из Пермской губернии. По свидетельству С. М. Беляковой, «русские старожильские говоры, генетически связанные прежде всего с говорами поморской и вологодско-вятской групп, до нашего времени остаются наиболее типичными и распространенными на Сибирской территории» [2, с. 48-49].

Фонетические, грамматические и лексические особенности старожильских говоров юга Тюменской области выявлены в ходе многолетних диалектологических экспедиций и описаны в ряде исследований М. А. Романовой, М. А. Жовтобрюха, М. А. Лецкина, В. Н. Светловой, Л. А. Новиковой, Т. Е. Казаковой, Н. В. Лабунец (Хромовой), В. Д. Лютиковой, С. М. Беляковой и других тюменских диалектологов. Изучаемые нами деловые документы подтверждают бытование в речи сибирских первопоселенцев следующих фактов диалектной речи:

1. Переход Е под ударением (из этимологического ятя) > И: мисес (месяц), здись, исть, недиля. В изучаемых памятниках зафиксировано: *съехал в Кондинско мисто, вмисто Мирошки Банищикова, ис под повити* (от *поветь* - «крыша») [3, д. 305] (в ссылках на анализируемые рукописи текст приводим в современной графике с сохранением орфографии оригинала).

2. Различение безударных О и А после твердых согласных (полное оканье): *поросёнок, сходить, тово разу, росколоть, холодишию*. В тюменских рукописях буквы О и А в безударных слогах по преимуществу употребляются правильно, что может быть связано не столько с высокой грамотностью писцов, сколько с влиянием на орфографию окающего говора, ср.: *до столба* [Там же, д. 49]; *по слободамъ, ноздря* [Там же, д. 6] и мн. др. Отмечены замены О на А после твердых согласных в безударных слогах: *дрола, изодрола, Тотянка* [Там же, д. 339]; *без остоновки* [Там же, д. 3694]; *в гробежу пожитков* [Там же, д. 1739], которые в памятниках, написанных на территории распространения среднерусских и южнорусских говоров, принято трактовать как гиперкоррекционные написания при косвенном отражении аканья, но, на наш взгляд, в совокупности с другими несомненными чертами севернорусского происхождения текста они могут передавать и окающее произношение.

3. Переход Е в предударном слоге перед твердым согласным > О [предударное ёканье]: *чоловек, кружова, ишиокотят, шоптать*. Ср.: *по щокам бил, начовал не одну ночь* [Там же, д. 300]. В заударной позиции в тюменских говорах фонемы Е, О, А реализуются в звуке О [заударное ёканье]: *времё, не дорожит времём, тяжось*.

Примеры заударного ёканья в тюменских источниках отмечены после Ц: *мельницей построился* [Там же, д. 3654], *богомолцов* [Там же, д. 330], *бухарцов* [Там же, д. 271], *Казанцов*, *Каргаполов* [Там же, д. 1739, л. 1].

4. Г взрывное: *голова, глядеть, возгудать*. О взрывном произношении звонкого заднеязычного согласного в речи первопоселенцев свидетельствуют многочисленные написания с начальным, конечным и интервокальным Г: *голова, прогонных денег* [Там же, д. 255], *ямской гонбы, ямиць Галашка Щукин, ево Галашкина челобитья* [Там же, д. 252], *за великую кнегиню* [Там же, д. 330] и др., а также регулярное написание *денегъ*. Написания типа *денехъ* не встречаются.

5. Мягкие и твёрдые губные фрикативные являются в тюменских говорах самостоятельными фонемами: *форточка, буфет, февраль*. Анализируемые рукописи подтверждают наличие в речи жителей Тюменского уезда губно-зубного глухого спиранта Ф, о чем свидетельствуют многочисленные написания антропонимов *Федька, Федоско, Офонька, Парфенко* и др. с буквами «фита» и Ф: *при Ефиме Козинском* [Там же, д. 190], *Ефимко Олексеев Плотников* [Там же, д. 142], *Фетка Яковлев Колков* [Там же, д. 187], а также примеры оглушения В в Ф: *дефка, лафка* [Там же, д. 1739, л. 4]. Не употребляются замены Ф на ХВ (*хвартук*) и В на У (*деуки*), свойственные памятникам южновеликорусской письменности.

6. Отвердение долгих мягких шипящих: *полошиот, холодишио*. В памятниках отсутствуют написания ЖЫ, ШЫ на месте ЖИ, ШИ и подобные, но возможным подтверждением наличия в речи отдельных первопоселенцев долгого твердого шипящего на месте Щ могут служить написания через Ш: *ямъшиць, ямишковиъ* [Там же, д. 2518], *холишевы рубашики* [Там же, д. 1738], *опиших пожитков, барабанишики, заимшик, каменнишиць, на денишика* [Там же, д. 1739, л. 3].

7. Мягкие недолгие шипящие Ж и Ш: *мужики, мыщи, лежат, лёжя*. Ср.: *Петруцка Щицелякин* [Там же, д. 297], *бровь розцибено и нос розцибенъ* [Там же, д. 302], *служю вамъ* [Там же, д. 199], *порозжую землю* [Там же, д. 1724], *для платежю пожитков* [Там же, д. 105], *живици, продавици* [Там же, д. 1998].

8. В ряде словоформ в старожильческих говорах юга Тюменской области возможно В протетическое и эпентетическое: *вострой, воспа, райвон, каравулить*. Ср. в рукописях: *вострой, восемь концов китаекъ* [Там же, д. 83], *вогненное ружье* [4, с. 211], *восмой жеребей* [3, д. 3674], *Левонтей, Родивон* [Там же, д. 1739, л. 9]. Числительные *восемь, восьмой* употребляются в данной форме регулярно.

9. Одушевленные существительные с суффиксами *-ушк-, -ишк-* в им. пад. имеют флексию -О и изменяются по 2 склонению: *дедушко, робить с дедушком, родила парнишко*. Ср. в изучаемых источниках: *казачей сынишко* [Там же, д. 128]; *взял у меня сынишка моего Петруику* [Там же, д. 33]; *пешей стрелец Софронко, его Софронка били* [Там же, д. 107]; *ямской охотник Ивашко Семенов, приехал к нему Ивашку, в дому у него Ивашка Семенова* [Там же, д. 30] и др. Подобные образования встречаются как в мужском, так и в женском роде, и склоняются как существительные мужского рода: *дочеришко мою Акульку била, будто я дочеришком своим сводничею* [Там же, д. 339].

10. Существительные 3 склонения с мягкой основой в отдельных падежах приобретают флексию 1 склонения: *на цеpe, по грязе, в очереди*. Ср.: *по поступной покаянной крепосте* [Там же, д. 42], *работаемъ на площади* [Там же, д. 217], *пошел к матери своей родной* [Там же, д. 286], *по Исете реке* [Там же, д. 6], *к меновой лошаде* [Там же, д. 2474].

11. Стяженные окончания прилагательных и местоимений женского и среднего рода, а также множественного числа: *деревянна посуда, зимне времё, вёчёршно молоко, нонешны девки, каки-те вот таки*. Ср. в текстах: *сукню на мне синю издролла* [Там же, д. 339]; *кровля въюшная кожена* [Там же, д. 2475]; *права рука* [Там же, д. 72]; *ширинка холицева по углам ишта шелком* [Там же, д. 1739, л. 43 об.]; *ряску на мне китайчету изорвали, четыре рубашики холицевы тонки* [Там же, д. 1738].

12. Глаголы многократного действия с суффиксами *-ыва-, -ива-*: *Никою работу не рабатывал. Нечё нам не говаривала, даже пальцем не тыкивала*. Ср.: *к нему Ивашку не хаживал, денег не даывала, таких слов не говаривал, пива и браги не варивал* [Там же, д. 107], *денег не заимывал, ни с кем не посылавал, шубы не имывал* [4, с. 211].

13. Стяженные формы глаголов в настоящем и будущем простом времени: *знашь, делашь, знат, делат, знам, делам*. Ср. в изучаемых текстах: *и нне он Яковъ долги мужа моего не оплачивать* [3, д. 2474, л. 6]; *и тем он брат мой обидит и розорять меня напрасно* [Там же, д. 1739, л. 11].

14. Предлоги *возле, подле, мимо* употребляются с вин. падежом, а не с род., как в литературном языке: *Возле берег улица идет*. Отражение данной синтаксической особенности речи зафиксировано в памятниках: *возле Токманское болото, подле Тукманской бор* [Там же, д. 53]; *мимо Казань к Москве* [Там же, д. 1998, л. 7]; *мимо нашу мельницу* [Там же, д. 3654].

Старожильческие говоры юга Тюменской области постепенно утрачивают свои фонетические, грамматические и лексические особенности. По замечанию С. М. Беляковой, «фиксация и исследование народных говоров, включая и тюменские в том их состоянии, в котором они сейчас находятся, - важная задача отечественных лингвистов. Внешние и внутренние факторы развития языка приводят к существенным трансформациям народной устной речи, а следовательно, и к утрате значительного пласта национальной культуры» [2, с. 57]. В связи с этим повышается значимость изучения региональных памятников деловой письменности, в которых, несмотря на известную обработанность текста и давление со стороны московского приказного языка, мы находим отдельные следы живого произношения. Собранные по крупицам, эти факты позволяют представить и охарактеризовать речь сибирских первопоселенцев.

Список литературы

1. **Балюк Н. А.** Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI - начало XX в.). Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. 180 с.
2. **Белякова С. М.** Образ времени в диалектной картине мира. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 264 с.
3. **Государственный архив Тюменской области (ГАТО).** Ф. И-47. Оп. 1.
4. **Комарова Л. Э.** Лингвистическое значение «новых» тюменских деловых документов XVII - н. XVIII в. // История и перспективы этнолингвистического и социокультурного взаимообогащения славянских народов: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Тюмень: Вектор Бук, 2003. С. 204-211.

УДК 687.01

Технические науки*Светлана Владимировна Костромина**Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, г. Шахты**Елена Владимировна Жеребцова**Южно-Российский государственный технический университет**(Новочеркасский политехнический институт)***МОТИВЫ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА КАК ИСТОЧНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ ДИЗАЙНЕРА[©]**

В ходе творчества человек перестраивает окружающий мир культуры. Постоянная связанность художника с окружающим миром является плодотворным источником вдохновения, а порой - трамплином на пути создания все более оригинальных работ. Подобным образом береза, как источник творчества послужила мотивом, опорной точкой для создания авторской коллекции моделей женской одежды.

Мотивы окружающего мира являются образом, не предметом копирования, а «темой сочинения». Однако даже когда образ трактуется абстрактно, он должен иметь отдаленное сходство с первоисточником в части структурных пластических особенностей или же характерной чертой орнаментации.

Мотив или его отдельные черты, выделенные художником, всегда должны оставаться главным источником новых художественных идей, реализованных в costume или в коллекции. Таков залог успешного творческого развития личности и создания оригинальных произведений, навеянных окружающим миром со всем его разнообразием и уникальностью.

Любой фрагмент или отдельный элемент предметного мира сначала всегда возникает в чем-то сознании в виде бесплотного образа, проектного замысла, идеи - то есть в своей идеальной форме.

Для дальнейшего рассмотрения, в качестве источника творчества, была выбрана береза, наглядно представленная на фотографиях природных мотивов в разное время года (Рис. 1).

В старинных славянских поверьях отношение к берёзе было двойственным: согласно одним традициям дерево и изделия из него, в том числе из бересты, считались оберегом от нечистой силы; в частности, берёзовые веники, использовавшиеся в бане, рассматривались и как инструменты ритуального очищения, а накануне Ивана Купалы берёзовые ветки втыкали над дверью, чтобы нечистая сила не проникла в дом [1].

Рис. 1. Природные мотивы в разное время года [1]